

АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

АРМАВИРСКАЯ МУНИЦИПАЛЬНАЯ СРЕДНЯЯ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА № 3

200 - летию со дня рождения
Александра Сергеевича Пушкина
посвящается

ДАНЬ ПУШКИНСКИМ СТРОКАМ

Армавир-1999

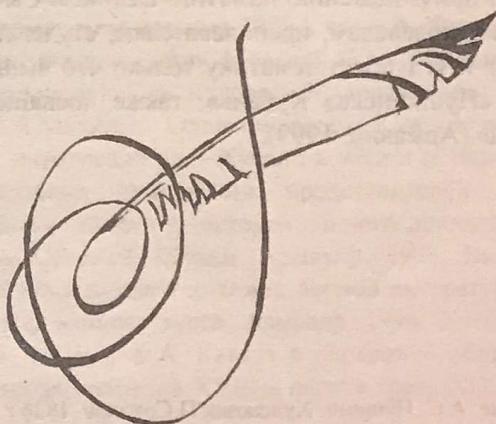
АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

АРМАВИРСКАЯ МУНИЦИПАЛЬНАЯ СРЕДНЯЯ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА № 3

Материалы аспирантско-
преподавательских семи-
наров. Выпуск I.

ДАНЬ
ПУШКИНСКИМ
СТРОКАМ

Под редакцией В.Б. Виноградова

Армавир-1999

© Рекомендованы к печати решением кафедры
регионаоведения и специальных исторических
дисциплин Армавирского госпединститута
20 февраля 1999 г.

Рецензент: С.Л. ДУДАРЕВ, зав. кафедрой АГПИ
заслуженный деятель науки Кубани,
член-корреспондент МАИ, кандидат
исторических наук.

Компьютерная верстка: аспирант АГПИ Ю.В. Приймак.

Публикуемое краткое изложение материалов, обсужденных на
ПЕРВОМ аспирантско-преподавательском семинаре при кафедре РСИД
АГПИ, освещает некоторые грани биографии и творчества Александра
Сергеевича Пушкина, чей 200-летний юбилей выпал на нынешний год.

Издание предназначено для всех, кто считает себя причастным к
сбережению и приумножению памяти о Великом Сыне России, прежде
всего - ученым, краеведам, преподавателям, студентам и школьникам.
Оно развивает и углубляет тематику только что вышедшей книги В.Б.
Виноградова «Пушкинская Кубань», также посвященной «200-летию
А.С. Пушкина» (Армавир. 1999).

На обложке: А.С. Пушкин. Художник П.Соколов. 1836 г.

В.Б. Виноградов, А.А. Королева
Столетие кубанской пушкинистики.

200-летие со дня рождения А.С. Пушкина совпадает с еще одной (сопряженной с ним) датой: в 1899 г. кубанский писатель Н. Канивецкий собрал, подготовил и выпустил в свет сборник «Кавказ в поэзии Пушкина» и одновременно опубликовал статью «Кубанская область в произведениях А.С. Пушкина», с тех пор неоднократно переиздававшуюся (в последнее десятилетие).

Но вплоть до эпохи революционных потрясений в России исследователи (Е.Г. Вейденбаум, М. Гершензон, Н.О. Лернер, А. Берже-Делагард и др.) объективно свидетельствовали о чрезвычайно слабой изученности пушкинских путешествий по Кавказу 1820-1829 гг. Это подтверждается отсутствием специальных работ по кубанской проблематике.

Не появились они и после того, как в СССР широко распространилась литература об А.С. Пушкине в связи со 100-летием его смерти. Это упущение не компенсировалось присутствием кубанских сюжетов в трудах В.П. Пожидаева («А.С. Пушкин о Кавказе». 1930), Л.П. Семенова («Пушкин на Кавказе». 1937), А.В. Попова («А.С. Пушкин на Северном Кавказе». 1954), Т. Бурдаковой (1964), Б.С. Виноградова (1966) и др.

Подлинной вехой в истории пушкинистики на Кубани стал выход книги Николая Веленгурина «Дорога к Лукоморью» (Краснодар. 1976), первая, самая объемная глава которой («Вдоль кордонной линии») посвящена гениальному поэту. Именно так и оценивались тогда результаты исследовательских усилий маститого краснодарского краеведа и литературоведа (см.: Виноградов В. Встречи у лукоморья // Комсомолец Кубани. 5 января 1977 г.).

Весьма информативны издания 1980-х гг. А.А. Формозова («А.С. Пушкин и древности. Наблюдения археолога». Москва), Л.А. Черейского («Пушкин и Северный Кавказ». Ставрополь), Г.И. Кусова («Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А.С. Пушкина». Орджоникидзе). Каждое из них в большей или меньшей степени затрагивало роль Кубани в жизни и творчестве классика, как и сравнительно недавние публикации представителей армавирской научно-педагогической школы одного из авторов данного доклада (см.: Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир. 1993; Виноградов В.Б., Ларина О.М. История Кубани в русской художественной литературе. До начала XX века. Программа интегрированного курса. Армавир. 1994; Хрестоматия. Ч. I. Армавир. 1996; Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (Вторая половина XVIII - первая треть XIX в.). Армавир-Грозный. 1996; и др.).

Очередное резкое оживление кубанской пушкинистики мотивировано приближающейся юбилейной датой. Известный итог подвела небольшая книга В.Б.

Виноградова «Пушкинская Кубань» (Армавир. 1999) - первая, полностью посвященная пребыванию Александра Сергеевича на Кубани и многообразному отражению местных реалий в его литературном наследии. Там же дана и обстоятельная библиография сопутствующих (обрамляющих) изданий, касающихся пушкинской тематики Северо-Западного Кавказа.

Не предвосхищая последующего хода событий, представляется логичным, что активизация ученой и краеведческой мысли в русле изучения биографии и творчества величайшего литератора и мыслителя России, выведет пушкинистику (и кубанскую, в том числе) на заметно более высокий уровень, откроет новые горизонты. А это - обогатит литературоведческую, историческую и философскую атмосферу России.

В.В. Науменко

А.С. Пушкин и Северный Кавказ.

Северный Кавказ занимает в творчестве А.С. Пушкина особое место и не только потому, что он жаждал «краев чужих», но и по силе эмоционального воздействия, которое оказал «Кавказский край, знайная граница Азии» на самого поэта и его творчество.

Поэт восторженно воспринял красоту открывшегося перед ним еще плохо изученного и освоенного края. Своим восторгом он делился не только в стихах, но и в письмах к своим родным и близким. «Жалею, мой друг, - писал он 24 сентября 1820 г. Л.С. Пушкину, - что ты со мною вместе не видел великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижными; жалею, что не исходил со мной на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной». В поэтических произведениях («Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке»), воспевая красоты края, поэт подводит читателя к высоким раздумьям о вечном, о жизни и смерти.

В пушкинские времена еще не сложилось понятие «Северный Кавказ». Под этим термином, и это наглядно видно из его творчества, поэт подразумевал «Кавказ» - в современном понятии термин, включающий в себя Северный Кавказ и Закавказье. «Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен». В подтверждение этого может служить название книги Гюльденштедта «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа», вышедшей в 1809 году.

Для А.С. Пушкина «Кавказский край» был «любопытен во всех отношениях». Поэтому его интересовало все то, что составляло круг интересов передового русского общества того времени. Российское общественное мнение было приковано к Кавказу по многим обстоятельствам.

Недавно присоединенная к России территория была терра инкогнито для поглавляющего числа россиян, поэтому любая информация о крае воспринималась с интересом, тем более, что это были свидетельства очевидцев. С 1817 г. на Кавказе шла так называемая Кавказская война, на долгие пятьдесят лет приковавшая к себе внимание российской общественности. Одновременно с этим шел процесс освоения вошедших в состав России территорий, что неизбежно поддерживало интерес и деловых кругов. В этом смысле творчество поэта, относящееся к Кавказу, несло огромную информацию россиянам о событиях происходящих там и о крае, ставшем составной частью России. При этом надо иметь в виду, что в представлениях поэта о Кавказе произошли глубокие изменения. Они позволили великому поэту перейти от созерцательности (пусть и восхитительному по силе эмоционального воздействия описанию красот края) к осмыслению сложной и во многом противоречивой обстановки, сложившейся на Северном Кавказе. Эволюция его взглядов - от восхищения красотами края («Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке») до глубокого проникновения в суть «кавказских» проблем («Делибаш», «Кавказский пленник», «Тазит», «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» и др.). Глубокому осмыслению всего виденного на Кавказе способствовала активная, деятельная натура самого А.С. Пушкина, который не мог оставаться в стороне от событий, свидетелем которых он был. Во время своего второго пребывания на Кавказе, в 1829 г. он писал: «Я прибыл туда в самый день перехода через Саган-лу и, раз я уже был там, мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать; вот почему я проделал кампанию в качестве не то солдата, не то путешественника».

Поэту Кавказский край представлялся важным геополитическим плацдармом. Опираясь на него, Россия, по мнению Пушкина, могла достигнуть ближайшие и долговременные политические и экономические цели, которые способны решить не только ближневосточные проблемы России, но и развязать узел европейских проблем. «Должно надеяться, - писал он, - что эта завоеванная сторона, до сих пор не приносившая никакой существенной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею, не будет нам препятствием в будущих воинах - и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии».

А.С. Пушкин предлагаются свои рецепты замирения Кавказа. Он предлагает использовать опыт «усмирения» крымских татар. «Здешняя сторона полна моловой о них (горцах - В.Н.) злодействах. Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить, по причине господствующих между ими наследственных распрей и мщения крови». Другим фактором примирения он считал прекращение сношений с Турцией, которая целенаправленно вела антироссийскую пропаганду на Север-

ном Кавказе, снабжала горцев оружием для борьбы против российского присутствия, поощряла работоторговлю.

Поэт, среди иного прочего, возлагал большие надежды на миссионерскую деятельность русской православной церкви, полагая, что многие народы Северного Кавказа недавно приняли ислам и есть в их среде условия для возвращения к христианству. «Есть средство - писал он, - более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия».

В произведениях поэта, в его эпистолярном наследии во всем своем величии встает образ казачества («Под буркою казак, Кавказа властелин...», «Кавказский пленник», «Тазит», «Путешествие в Арзум во время похода 1829 года» и др.). Он первый, как справедливо отмечает А. Виноградов, заметил и уяснил отличия «черноморских и донских казаков». В его произведениях присутствуют глубокие наблюдения по этнографии местного населения, в том числе и казачества. Им детально формируется представление о костюме горцев и казаков, вооружении, видах хозяйственной деятельности, пищи, тактике ведения боевых действий, быте, обычаях, традициях.

Уникальность творений великого литератора, посвященных Кавказу, состоит в его поистине пророческом предвидении многих ключевых проблем, которые волнуют современных исследователей и это является залогом того, что к творчеству А.С. Пушкина будут всегда обращаться те, кому дорого наше Отечество.

А.В. Виноградов

Пушкинские и черкесские отголоски в Чембаре.

Известно ошеломляющее влияние пушкинского «Кавказского пленника» (1820-1821) на литературно-общественную жизнь России. Не избежал его и юный М.Ю. Лермонтов, имевший собственный детский и подростковый опыт знакомства с загадочным и волнующим миром Кавказа.

Летом 1828 г. еще 13-летний «Мишель» «в Чембар за дубом» написал первую из дошедших до нас поэм «Черкесы». Чембар - уездный город Пензенской губернии, в 17 км. от Тархан. А романтическая поэма «Черкесы» (при всем понятном несовершенстве) «свидетельствует о начитанности и исключительной литературной памяти юного автора», включившего в нее заимствования или реминисценции из творчества полдюжины своих маститых поэтических предшественников (см.: ЛЭ. С.612).

Резонно считается также, что «на поэму оказал неоспоримое влияние «Кавказский пленник» Пушкина, что подчеркнул и автор», взяв в качестве эпиграфа строки из эпилога пушкинской поэмы (ЛЭ. С.613). Притом, фрагмент приведен на память, заметно отличаясь от оригинала в 2-х весьма выразительных строках: (П.: «Забудет алчной брани глас...»; Л.: «Забудет брани веций глас...»; П.: «К

ущельям где гнездились вы...»; Л.: «...И к тем скалам, где крылись вы...»). Еще существеннее, что имеются явные сюжетно-смысловые отличия «Черкесов» от «Кавказского пленника».

И все же, совершенно очевидна идейно-тематическая зависимость начинаящего поэта от его гениального предтечи, и зависимость эта - от той ранней поэмы Пушкина, чей эпилог отмечен «юношеским увлечением насилием» (Г. Федотов) и концепцией не просто «исторически предопределенной победы русского оружия» (Л.Н. Назарова), но апофеозом полного военного разгрома и уничтожения «Кавказа гордых сынов» (В.Б. Виноградов, 1999).

Последнее (как и у самого Пушкина) отнюдь не стало пожизненным философско-творческим «кредо» Лермонтова, что в обоих случаях и определило принадлежность классиков русской поэзии к той «модели» РОССИЙСКОСТИ, которая и питала истоки и ход формирования русско-кавказского историко-культурного единства (см.: В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, Л.И. Кузеванов, В.А. Матвеев, Ю.Ю. Клычников и др.).

«В Чембар за дубом» Михаил Лермонтов еще не знал, что спустя год, А.С. Пушкин, «путешествуя в Арзрум», услышит о линейно-казачьей фамилии Черкасовых. Не знал и Александр Сергеевич, что в среднерусском Чембаре жили некие «Черкассы» с почти уже утерянной кавказской генеалогией. Из этих последних, происходит, между прочим, моя прабабушка (по матери) Серафима Григорьевна Черкасова (Кудрякова), до самой смерти на 93-м году жизни выделявшая своим вниманием раннюю лермонтовскую поэму.

Ю.С. Коваленко

А.С. Пушкин и Тмутараканское княжество.

В письме к младшему брату Льву Сергеевичу от 24 сентября 1820 г. Пушкин написал: «С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма...»

Что летописная Тмутаракань - юго-восточный форпост Киевской Руси - находилась именно на Тамани, было установлено совсем незадолго до этой кавказской поездки А.С. Пушкина. Отечественные авторы XVII века помещали ее в Астрахани, крупные историки XVIII столетия - В.Н. Татищев и И.Н. Болтин - в районе Рязани, Феофан Прокопович - даже в Литве... Немецкий ученый, приглашенный в 1725 г. в Санкт-Петербургскую академию наук, Готлиб-Зигфрид Байер высказал блестательную догадку о том, что Тмутаракань нужно искать вблизи Темрюка (см.: Мусин-Пушкин А.И. Историческое исследование о местонахождении древнего российского Тмутараканского княжества. Санкт-Петербург. 1794. С.1-2).

Только находка в 1792 г. на Таманском городище мраморной плиты с русской надписью 1068-69 гг., упоминавшей Тмутаракань и привязывавшей ее к Кер-

чи расстоянием в 14000 сажен, помогла определить истинное местоположение древнего города - столицы княжества.

Уже в 1806 г. авторитетный знаток русских древностей, пожизненно высоко-чтимый А.С. Пушкиным Алексей Николаевич Оленин, опубликовал на сей счет специальную книгу. Вполне возможно, что «поэт видел ее, но не менее вероятно, что о Тмутараканском княжестве он узнал из «Истории» Карамзина, которую цитировал в этой связи в «Кавказском пленнике», написанном под впечатлениями 1820 г.» (Формозов А.А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. Москва. 1979. С.28).

Самое же главное, что в Фанагорийской крепости (в двух верстах от Тамани) Пушкин мог лично осмотреть, потрогать Тмутараканский камень, который демонстрировался всем приезжим, будучи помещен в состав как бы музейной экспозиции, сооруженной при фанагорийской крепости (см.: Медынцева А.А. Тмутараканский камень. Москва. 1979. С.7). Ее разглядывали многие современники поэта, в том числе и третьюстепенный литератор Г.В. Гераков, который вместе с Пушкиным был 14 августа на чаепитии в Фанагорийской крепости, где генерал Раевский-старший собрал «всех военных и всех порядочных людей» (см.: Веленгурин Н. Дорога к лукоморью. Краснодар. 1976. С.32).

Притом, в отличии от части скептически настроенных кругов просвещенной России, А.С. Пушкин решительно признавал таманскую локализацию старорусской Тмутаракани. Упоминая в «Эпилоге» к «Кавказскому пленнику» в числе «преданий грозного Кавказа» «Мстислава древний поединок», он в собственном примечании разъясняет: «Мстислав, сын св. Владимира, прозванный Удалым, удельный князь Тмутаракани (остров Тамань). Он воевал с касогами (по всей вероятности нынешними Черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю».

Запавшие в душу тмутараканские мотивы не отпускали поэта и впредь. В 1822 г. он замыслил поэму «Мстислав», вновь посвященную Таманским обстоятельствам. То, что дошло до нас в виде «планов» и черновиков, стоит гораздо ближе к сказочно-эпическим сюжетам, чем к строгим летописным строкам и их пересказу у Н.М. Карамзина. Мстислав задуманной поэмы влюбляется в царицу касогов, попадает на некий «остров наслаждений», откуда «увлечен чародейством в горы Кавказские» и т.п. Невольно просматривается перекличка с фантастически-сказочной поэмой «Руслан и Людмила».

Но ведь и она, начатая в 1817 г. (до кубанской поездки), вышла в свет в 1820 г., уже после публикации «Истории» Карамзина. «Вот почему в ней улавливаются как бы два слоя - соотнесенный и несоотнесенный с историческими данными» (Формозов А.А. Классики русской литературы и историческая наука. Москва. 1995. С.50). На это впервые обратил доказательное внимание В.Б. Виноградов (см.: Виноградов В.Б. Пушкинская Кубань. Историко-литературоведческие этюды. Армавир. 1999), связавший воедино неоспоримые свидетельства тмутараканско-

таманских «отголосков» недолгого, но творческообразующего посещения гением русской словесности Нижней Кубани, Тамани (см.: Виноградов В., Коваленко Ю. «И там я был...» // Тамань. 26 января 1999 г.).

В.Б. Виноградов

«Слово о полку Игореве» и пушкинское лукоморье.

Лучистой ранней осенью 1998 года я, недавний переселенец из города Грозного, где родился и прожил всю прежнюю жизнь, впервые оказался у южной оконечности Таманского полуострова, на живописном курортном участке черноморского побережья, любовно именуемом старожилами «Лукоморье».

Здесь проходила представительная Всероссийская научная конференция, в ходе которой меня приняли в действительные члены (академики) Международной Академии информатизации. И в своем «академическом докладе», рассуждая об истинном постижении историкоформирующего значения более, чем тысячелетнего славяно-русско-российского присутствия на Кубани, я впервые остро и до упоительного щемления в сердце прочувствовал кодовые пушкинские слова из «Руслана и Людмилы»: «Там русский дух... Там Русью пахнет!». Они адресовались некоему полусказочному «лукоморью», воспетому в «Эпилоге» к поэме... И сам еще не понимал тогда, что стоит за всем за этим...

Минули годы... Я прикипел к Кубани умом и душой... И несколько месяцев назад, готовя к изданию свою небольшую книгу «Пушкинская Кубань», я детально проработал (в числе многоного прочего!) две объемные монографии, вышедшие в свет в 1997 году. Первая из них («Россия древняя и Россия новая»), собравшая избранные труды недавно умершего ленинградского ученого Якова Соломоновича Лурье, поразила меня тем, что в ее пространной главе «Древнейшая история Руси в летописях и в историографии ХХ века» не нашлось даже упоминания о Тмутарakanском княжестве и героических страницах его истории. Вторая - «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты» - написанная москвичкой Татьяной Михайловной Николаевой, надолго привлекла интерес глубокой разработкой давно волнующей и меня проблемы литературно-творческой соотнесенности шедевра древнерусской литературы и наследия русского гения А.С. Пушкина.

Итоговый вывод, что «около половины всех соответствий, отмеченных для пушкинских поэм вообще (реально 47%)... принадлежит «Руслану и Людмиле». Поэма эта, между прочим, создавалась в 1817-1820 годах, еще до первого пушкинского посещения Кавказа. Что кроется за этим?

Известно, что с самого отрочества Александр Пушкин находился под обаянием и мощным духовно-нравственным воздействием «Слова о полку Игореве», впервые опубликованного в 1797 году Николаем Михайловичем Карамзиным - эталонным в ту пору (и до сих пор!) русским историком. В 1814 году в популярном

«Русском вестнике» он, в частности, читал анонимный «Отрывок из повести о князе Мстиславе Великом, победителе половцев», насыщенный информацией (правда не всегда исторически достоверной) о тмутараканском князе Мстиславе Удалом и его войне с касогами (предками адыгов), выигранной при помощи поединка с их вождем Редедей.

К той поре великий рождающийся поэт уже знал, что город Тмутаракань и одноименное русское княжество располагались на Таманском полуострове, в районе устий Кубани. Отсюда и вытекали черты образного сходства, творческие переклички и ассоциации, так трогающие всякого, кому дорога тысячелетняя «Русская Кубань».

Подтвержу сказанное лишь несколькими примерами, малоизвестными основной массе пушкинских поклонников и почитателей.

«У лукоморья дуб зеленый...», - эпически начинает Пушкин. И как бы побуждает вспомнить строки «Слова...»: «А поганого Кобяка изъ лукоморя, отъ железныхъ великихъ польковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже...» И становится ясно, что «лукоморье» - это южнорусские степи вдоль азово-черноморских берегов, место обитания в XI-XII веках половецких орд, их могучих конно-панцирных «полков» и самого хана - Кобяка. Недаром же высшей целью неудачного похода князя Игоря было «поискати града Тымутороканю».

Фантастичен, сказочен образ пушкинского «летающего волшебника», колдуна Черномора, чье имя, несомненно, связано с географическим фактом - Черным морем. Но ведь и в «Слове...» выводится русский князь-волшебник Всеслав, наделенный чертами волка-оборотня, волхва, как бы перелетающего за ночь огромные расстояния («изъ Киева... до Тымутороканя») и даже «прерыскаше» (пресекающего) путь восходящему дневному светилу. Многое занятного стоит за этими литературными аналогиями!

И, наконец, нечто уж вовсе примечательное.

Князь Игорь в момент побега из половецкого плена пытается вскочить на коня, но сваливается с него «бусым волкъю». Такая, единственная в «Слове...» характеристика вызывает научные споры, тем более, что везде в других местах используется привычное нам прилагательное «серый» (волк). Предприняты разные попытки объяснения понятия «бусый (босый) волк»: «турецкий волк», «волк-оборотень», «бес-волк» и пр.

Однако, Владимир Даль в замечательном своем «Толковом словаре живого великорусского языка» сообщает, что «бусый» - это обозначение целого спектра цветов от «темно-голубосерого» до «сизобурого». Но ведь и в пушкинском лукоморье обретается «бурый волк», который верно служит горюющей в темнице царевне.

Т.М.Николаева очень точно подметила: «бурый волк-находка Пушкина» (мы привыкли к словосочетанию «бурый медведь»). Но как важно понимать, что на-

ходка эта сделана на художественной ниве, щедро удобренной выдающимся поэтическим произведением Киевской Руси! А оно (отчасти и через посредство захваченного тогда половцами Тмутараканского княжества) впитывало в себя диковинные образы окрестного мира, в том числе и соприкасавшегося с нашим лукоморьем.

За долгие века последующей истории многое изменилось, приобрело новые, ранее не присущие черты. Так, опираясь на «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина, Александр Сергеевич Пушкин обозначает в авторских примечаниях к «Кавказскому пленнику» местоположение Тмутаракани как «остров Тамань». Некий «остров наслаждений» в дельте Кубани упоминается и в планах задуманной поэмы «Мстислав». Это - соответствует географическим реалиям начала II тысячелетия новой эры.

Сам же поэт, как очевидец, в письме к брату Льву Сергеевичу написал: «С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма...»

В этой разноголосице нет противоречий! Она питается объективными условиями, точно также как и бесспорная творческая перекличка ранней поэмы А.С. Пушкина и «Слова о полку Игореве».

Как славно, что близящееся пушкинское 200-летие побуждает нас осознать и прочувствовать это!

Е.С. Тютюнина

География «Кавказского пленника».

Характеризуя готовую поэму в черновом варианте письма Н.И. Гнедичу от 29 апреля 1822 г., А.С. Пушкин отмечал: «описание нравов черкесских...есть не что иное как географическая статья или отчет путешественника».

В самом деле, какова же география поэмы, где происходит ее действие?

Топография, на первый взгляд, весьма условна. Аул, куда попадает пленник, расположен где-то высоко в горах («И видит: неприступных гор Над ним воздвигнулась громада»), потом «В горах, окованный, у стада Проводит пленник каждый день», он взбирается на заоблачные кручи - «А пленник, с горной вышины, Один, за тучей громовою, Возврата солнечного ждал». Отсюда видны «пустынные равнины... Там холмов тянутся грядой Однообразные вершины». Однако где-то вблизи аула - степь - «Забытый средь пустых долин, Умру вдали берегов желанных, Мне будет гробом эта степь» и совсем рядом глубокая река - «Унылый пленник с этих пор Один окрест аула бродит... Зовет... но все кругом молчит; Лишь волны плещутся бушуя, И человека зверь почуя В пустыню темную бежит». «Сев на бреге, Мечтает русский о побеге». В финале, переплыv реку, он смог с другого берега легко окинуть взглядом весь аул (хотя дело происходит ночью): - «Прошальным

взором Объемлет он в последний раз Пустой аул с его забором, Поля, где, пленный, стадо пас, Стремнину, где влачил оковы, Ручей, где в полдень отдыхал».

Все это предстает скорее как художественный образ, чем отражение реального пейзажа. Но одна характерная деталь в черновике - строка - «Аул с обрушенным забором» - выдаст присутствие автора - это он бросает прощальный взгляд, покидая горный край в начале августа 1820 г.

И это еще раз подтверждает, как много значили для Пушкина личные наблюдения при рождении его стихов. Отсюда и ряд подлинных географических названий в ткани поэмы.

В письме Н.И. Гнедичу от 24 марта 1821 г. поэт признается: «С вершин заоблачных бесенежного Бешту видел я только в отдаленье ледяные главы Казбека и Эльбруса. Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущельях Кавказа - я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил два месяца - где возвышаются в дальнем расстоянии друг от друга четыре горы, отрасль последняя Кавказа».

Приведенные слова верно указывают место действия первой редакции поэмы. В черновиках встречаются топонимы: Кавказ, Кавказские горы, Европа, Россия, Грузия, Эльбрус, Бешту. При этом поэт хорошо различает Кавказские горы и Грузию («И песни гор, и песни Грузии»), что соответствовало представлениям того времени, когда Грузией обычно называлось Закавказье, а собственно Кавказом называли Главный хребет и местность к северу от него.

Бештау (у Пушкина - Бешту), под которым следует понимать, вероятно, не только саму гору, но и весь район Пятигорья, мыслился как основное место событий. Это название внесено отдельным пунктом в последний вариант плана поэмы - и в черновых записях воплощено в сцене бури: «Порою вечера [осени] ненастной В пещерах [долинах] дикого Бешту Любил он ветров вой ужасный И мрачной бури красоту» Разработка эпизода продолжена и в первой беловой редакции, но там уже наряду с Бешту пробуется топоним Кабарда. («В ущельях дикой Кабарды... В глухих долинах [В глухих ущельях] Кабарды»).

То, что Бешту и Кабарда понимались Пушкиным как идентичные топонимы, явствует из его письма А.А. Бестужеву от 30 ноября 1825 г., где говоря о А.И. Якубовиче, он заметил: «Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде - поэма моя была бы лучше». Вместе с тем замена топонима может означать и попытку перенести место действия на другую территорию - вглубь гор, за Подкумок или даже за Малку.

При переработке первого беловика появляются и другие географические названия - Молдавия (в посвящении «В степях Молдавии, в печальны дни разлуки») и Терек - в попытке воссоздать черкесские песни («гимны боевые» - «Когда на Тереке родном Впервые битвы грянул гром»).

Однако в окончательной редакции поэмы ее топография меняется кардинально. За пределами основного текста оказываются Бешту (остается в посвящении и примечании №1), Терек (переходит в эпилог), Кабарда (в примечании №10 в форме «Кабардинских гор»), совсем исчезает Молдавия. Зато появляются Дон и Кубань. Как и почему это произошло?

Ответ находится во второй беловой редакции. Здесь добавляются два новых фрагмента, содержащие географические названия. Первый - «думы казака» («О чем ты думаешь, казак?»), где сначала фигурируют «тихий Дон» и «закубанские девицы», а также Париж («У стен Парижа твой бивак»).

Второй фрагмент - «Черкесская песнь», под которой в черновике стоит помета «Кубань», а в тексте есть строка «На берегах Кубанских вод». И хоть «кубанские» намеки из этих фрагментов впоследствии удалены, топоним Кубань входит в печатный текст - «И скачут по брегам Кубани Сбирать насильственные дани». В первом черновике сцена подготовки к набегу завершалась строками: «К набегу весь аул готов, И поскакали меж холмов».

Уверенно говорить о времени появления нового гидронима в рукописи невозможно, так как в обоих беловиках соответствующие листы утрачены. По опубликованным вариантам окончательной редакции не удается также уловить момент включения в описание вооруженного черкеса выражения «кубанский лук» - в черновике эпиграф отсутствует.

Переориентация действия с Пятигорья на Кубань весьма знаменательна - она связана с усилением реалистической тенденции.

Действительно, характеристика «быстра глубокая река» не совсем подходила к реальному Подкумку, а в реальном Пятигорье ко времени приезда Пушкина уже не было таких горских аулов, где бы мог содержаться русский пленный.

Вынести действие на Терек, где сам поэт не бывал, он не решился.

Иное дело Кубань, вдоль которой Пушкин вместе с Раевскими проделал семидневное путешествие. Река в то время выполняла роль государственной границы между Россией и Турцией, что прекрасно было известно поэту. Пояснить это обстоятельство он, очевидно, собирался в примечании к поэме, поставив в черновике знак сноски к строке «На берегу заветных вод». О содержании нереализованного комментария можно судить по письму к П.А. Вяземскому от 14 октября 1823 г., где отвечая рецензенту «Вестника Европы» М.П. Погодину, Пушкин говорил: «Кубань - граница. На ней карантин, и строго запрещается казакам переезжать об он пол».

На деле именно Закубанье, куда в тот период не распространялось прямое действие российских властей, было местом укрывательства и перепродажи пленных.

Таким образом, стремление Пушкина к топографической точности даже романтического сочинения говорит о сильных ростках реализма уже на раннем этапе творчества великого русского поэта.

Е.И. Нарожный, Ф.Б. Нарожная

Вооружение черкеса и его конь в «Кавказском пленнике» и «Тазите» А.С. Пушкина и их прототипы первой трети XIX века.

В январе 1835 г. офицер генштаба Отдельного Кавказского корпуса - И. Бларамберг, завершив свое описание Кавказа, признавался: «Я употребил все способы дабы представить полную картину сих народов, так мало еще известных...». А.С. Пушкин, задолго до И. Бларамберга обратившемуся к кавказской тематике, было еще сложнее. В связи с чем резонно встает вопрос о достоверности, или даже реальности некоторых художественных образов поэта, употребляемых им в произведениях. Лишь отчасти отвечая на этот вопрос, обратимся к описаниям поэтом черкесского коня и вооружения горца.

Конь черкеса по А.С. Пушкину - не только «товарищ верный», или же «его богатство». Он - «питомец горских табунов». А И. Бларамберг утверждал: «В России хорошо знают особые породы черкесских лошадей, именуя их «горскими лошадьми».

Исследователи творчества А.С. Пушкина подчеркивали, что в «Тазите» поэт во многом опирался на книгу С.М. Броневского, имевшуюся в личной библиотеке Александра Сергеевича. Развивая эту мысль (Л.П. Семенов, Г. Кусов), укажем и на подобные заимствования в «Кавказском пленнике». Продолжая характеристику коня, поэт писал: «...Стремится конь во весь опор/ Исполнен огненной отваги./ Все путь ему болото, бор,/ Кусты, утесы и овраги.../Седой поток пред ним шумит - /Он в глубь кипящего несется... »

С.М. Броневский, характеризуя «забавы» у черкесов, свидетельствовал: «Самые смелые наездники в Кабарде приучают своих лошадей бросаться стремглав с утесов и с крутых берегов, не разбирая высоты оных». Вслед за А.С. Пушкиным, эту же информацию у Броневского заимствует и И. Бларамберг, включая ее в описание «безрассудных развлечений» у черкесов.

Но А.С. Пушкин несколько переосмысливает сюжет, приводя пример такой выучки как средство для скрытого маневра черкеса - «злодея». Чуть позже, добравшись до берега, черкес поражает стрелой задумавшегося на посту казака. С.М. Броневский и И. Бларамберг отмечают подобную выучку - лишь как способ спасения жизни горца во время погони неприятеля.

Объяснимо и кажущееся хронологическое несоответствие пушкинского заимствования: «Кавказский пленник» датируется 1821 г., а книга Броневского вышла лишь в 1823 г. Однако известно, что Броневский завершил ее уже в 1810 г., а в

августе 1820 г., будучи с поэтом знакомым, встречался с ним в Феодосии (А.А. Формозов).

Особый интерес вызывает описание поэтом комплекса вооружения горца. В «Кавказском пленнике» ему посвящены следующие строки: «Черкес оружием обвешан/ Он им гордится, им утешен./ На нем броня, пищаль, колчан,/ Кубанский лук, кинжал, аркан/ И шашка, верная подруга...». При почти точном соответствии упомянутых поэтом видов оружия реальным, употреблявшимся в начале XIX в., сомнение вызывает лишь «кубанский лук». Ведь современник Пушкина - С. Хан-Гирей - утверждал: «Черкесы делать луков не умеют и достают их из Турции».

В «Тазите» А.С. Пушкин не просто дублирует выше отмечавшийся перечень вооружения, но и наделяет его интересными эпитетами. Ведя речь о приготовлениях к захоронению мусульманина («Обряд творится погребальный/ Звучит уныло песнь муллы»), злодейски убитого «вблизи развалин Татартуба», А.С. Пушкин перечисляет: «И с ним кладут снаряд воинский:/ Неразряженную пищаль,/ Колчан и лук, кинжал грузинский/ И шашки крестовую сталь». Подмеченный поэтом языческо-мусульманский характер ритуальных приготовлений, как бы иллюстрирует И. Бларамберг. «Черкесы, - пишет он, - относятся к secte sunnites и... должны решать все по Корану... Раньше вместе с покойником в могилу опускали все, что ему принадлежало... Сейчас (30-е годы XIX в. - авт.) это делают крайне редко». По Пушкину, все это нужно для того, чтобы убиенный, по первому же зову ангела смерти - Азраила, мог бы «исправным воином восстать».

Под пищалью здесь подразумевают тяжелое и длинное ружье, бытовавшее с XV по XVII в. (МСЭ, т.7), хотя в условиях кавказской действительности употреблявшееся и позже. М. Атажукин (1732 г.), к примеру, сообщал о «заводах» в Кабарде, где «делают пищали и сабли». В конце XVIII в. источник сообщал: «Ис пищали стреляет каждый только раз, а затем сашками и саблями колют и рубят». И. Бларамберг подтверждает: «Черкесы хорошо стреляют с упора и лежа с земли. Но они очень долго заряжают, тратя на это несколько минут». Не потому ли и «неразряженная пищаль»?

Среди холодного оружия горцев, специалисты выделяют много европейских клинков, которые не только дополнительно подтачивались на Кавказе, но и поддевались под знаменитые золингемовские «волчки» (Э. Аствацатуян). Среди подделок были клинки с обязательными розетками и крестиком внутри них, которые именовались горцами - «пчелами», по преданиям, именно «пчелы» когда-то использовались «в крестовых походах» (Э. Аствацатуян). Не эти ли шашки «пчелы» и имел в виду А.С. Пушкин, отмечая в приготавливаемом наборе оружия «шашки крестовую сталь»?

Что касается кинжалов, то специалисты-оружиеведы как будто бы особо не выделяют в горском военном наборе грузинских кинжалов. Однако среди кинжалов Грузии есть экземпляры с датой на лезвии: «Апреля I-го 1824», наряду с кото-

рой на кинжалах имелась и надпись: «Умри злодей от руки моей» (Э. Аствацатуян). Весьма заманчиво (если опираться на контекст пушкинской поэмы) именной такой кинжал считать прообразом пушкинского «грузинского кинжала».

Вполне возможно, что предпринятые отождествления - случайные совпадения, хотя на А.С. Пушкина это непохоже. Ведь он не только художник слова, но и достаточно хороший знаток историко-этнографических реалий Северного Кавказа своего времени. А это дает основание и для дальнейших поисков и наблюдений.

А.А. Кулинич

Пушкин о кавказцах.

Жизненный путь А.С. Пушкина не один раз пересекался с судьбой Северного Кавказа, и каждый раз эти впечатления оставляли неизгладимый след в его творчестве. Н.В. Гоголь так определял отношение поэта к своей «горной музее»: «Его пленила вольная поэтическая жизнь дерзких горцев, их схватки, их быстрые неотразимые набеги; и с этих пор кисть его приобрела тот широкий размах, ту быстроту и смелость, которая так дивила и поражала... Рисует ли он боевую схватку чеченца с казаком - слог его молния; он так и блещет, как сверкающие сабли, и летит быстрее самой битвы».

Любимыми героями Пушкина становятся горские народы, казаки. Отношение к этим казалось бы полярным сторонам у него одинаково уважительное и мягкое. Недаром в его поэме «Кавказский пленник», написанной под впечатлением от поездки на Кавказские минеральные воды летом 1820 г., есть удивительный отрывок, где черкесские девушки поют о казаках:

На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы;
Веселый пляшет хоровод.
Бегити русские певицы,
Спешите, красные, домой;
Чеченец ходит за рекой.

Сколько нежности и тревоги вложил поэт в слова, казалось бы, враждебных России людей!

Кстати, тема женщины-казачки встречается и в его путевых заметках о путешествии на Северный Кавказ в 1829 г., которые легли в основу его уже литературного произведения «Путешествие в Арзрум». Особенno интересен записанный им разговор с казаками о верности жен. Служилые казаки ведут разговор о том, стоит ли прощать неверных жен (ведь их самих по несколько лет не бывает дома, а потому они уж точно «не безгрешны») или же избить до полусмерти. Поэт без прикрас показывает эту нехитрую логику закаленных в боях мужчин и определяет ее как

«простоту нравов» казаков. Причем между строк легко прочитывается и гуманная позиция самого поэта.

Таким образом будучи на Кавказе, А.С. Пушкин подмечает не только военные действия, но и саму жизнь, со всею ее сложностью и повседневностью. Поэтому и пишет о поэте Н.В. Гоголь: «Он один только певец Кавказа...».

С.И. Алиева

Калмыки и ногайцы в произведениях А.С. Пушкина.

Чтение произведений А.С. Пушкина - это всегда необыкновенное прикоснение к неповторимому творению ювелира слова. Ценность его лирических сочинений в том, что исторические реалии преломлены через поэтическое восприятие. Бесконечные степи Предкавказья, скрип ногайских арб, калмыцкие кибитки вдохновили Пушкина на некоторые строчки в «Путешествии в Арзрум», «Калмычке», «Братьях разбойниках».

Пушкин жил в калмыцких кибитках («клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком» - его словами), отдыхая с семейством Раевского в районе Бештау. Дорога в Арзрум по маршруту Петербург - Москва - Калуга - Орел - Новочеркасск пролегала через места проживания калмыков: «...леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет, и являет большую силу растительности; показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественника; по тучным пастибящим

Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны

Калмыки располагаются около станционных хат. У кибиток их пасутся... кони...» Интересно описание рецепта калмыцкого чая, непривычный вкус которого так поразил Пушкина. «Между прочим, калмыцкий чай пользовался популярностью у многих народов, в том числе и у ногайцев. Состав его приготовления варьируется в зависимости от возможностей. Известно, что этот чай очень питательный и целебный. Употребление в пищу конины, свидетельствованное Пушкиным, так же распространено было у ногайцев.

Воспоминание о «переходе от Европы к Азии» запечатлелось позже в стихотворении «Калмычка». Поэт продолжает думать о молодой калмычке, с которой он познакомился в описанной кибитке: «Прошай, любезная калмычка,/ Чуть-чуть, назло моих затей/ Меня похвальная привычка/ Не увлекла среди степей/ Вслед за кибиткою твоей/ Твои глаза, конечно, узки,/ И плосок нос, и лоб широк,/ Мне ум и сердце занимали/ Твой взор и дикая краса. Друзья! Не все ль одно и то же:/ Забыться праздною душой/ В блестящей зале, в модной ложе/ Или в кибитке кочевой». Упоминание калмыков встречается также в стихотворении «Братья разбой-

ники» «...За Волгой, ночью, вкруг огней/ Удалых шайка собиралась/ ...Они стеклись для стяжаний!/ Меж ними зрится и беглеш/ С берегов воинственного Дона,/ И в черных локонах еврей,/ И дикие сыны степей,/ Калмык, башкирец безобразный,/ И рыжий финн, и с ленью праздной/ Везде кочующий цыган!». Содержание этого стихотворения, конечно, условно. Но подобные предприятия имели место.

Миновав калмыков, Пушкин продолжил путешествие. Ставрополь - Георгиевск - Горячие воды - Екатериноград. Далее эскорд превратился в настоящий караван, сопровождаемый ногайцами

Вскоре после посещения Пушкиным юга, на Кавказе (1835-1838) с определенными разведывательными целями находился Ф.Ф. Торнау. О своем пребывании в тылу у горцев он написал «Воспоминания Кавказского офицера» (1864). Есть в них и такие сведения: «Татарские аулы составляют передовую линию против непокорных горцев, так как жители их были обязаны содержать караулы и помогать казакам встречать и преследовать неприятеля». Кроме того, ногайцы отрабатывали натуральные повинности, обеспечивая доставки грузов на Линию. Вдобавок, к этому, на них легла обязанность содержать «50 вооруженных всадников на Баталпашинском и Кисловодском участках, весь надстроенный аппарат, а также несколько почтовых станций по Кизляро-Астраханскому Тракту...» (Калмыков И.Х.). По словам Безобразова: «ногайцы связаны с нами сущными интересами... в теперешнем своем положении для нас чрезвычайно полезны своей хорошей службой в милиции и при перевозке провианта в такие пункты, которые требуют частых и сильных конвоев» (Т.А. Невская). Не исключено, что один из эпизодов их деятельности запечатлел Пушкин, продолжая движение в Арзрум: «С Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовый тракт прекращается. Наимают лошадей до Владикавказа. Даётся конвой казачий и пехотный и одна пушка... На сборном месте соединился весь караван, состоявший из пятисот человек или около... Впереди поехала пушка, окруженная пехотными солдатами. За ней потянулись коляски, брички, кибитки солдаток...; за ними заскрипел обоз двухколесных арбов. По сторонам бежали конские табуны и стада волов. Около них скакали ногайские проводники в бурках и с арканами...». Скот - главный источник, средство существования и богатство многих народов. Поэтому он являлся объектом легкой наживы. В стихотворении «Тазит» мимоходом Пушкин запечатлел это так (Гасуб - размышляет о своем сыне): «Не научился мой Тазит,/ Как шашкой добывают золото/ ... Он только знает без трудов/ Внимать волнам, глядеть на звезды,/ А не в набегах отбивать/ Коней с ногайскими быками/ И с боя взятыми рабами/ Суда в Анапе нагружать...». Не секрет, что причерноморские города еще со времен греческой, генуэзской колонизации края, османского владычества использовались для торговли и транзита невольников. Вот как об одном из маршрутов писал турецкий историк XVII в. Эвлия Челеби: в своей «Книге путешествия»: «плениников

...передают в руки ногай-татар, живущих в земле черкесов, а те переправляют пленников в страну Крым...».

На этом не ограничиваются упоминания калмыков и ногайцев в произведениях Пушкина. Достойный пример для рассмотрения представляют и другие народы: башкиры, татары, черкесы... - выражители многочисленной и многонациональной России в лирическом наследии великого поэта.

Е.И. Нарожный

Где мог находиться аул пушкинских Гасуба и Тазита?

Кавказская тема «Тазита» общеизвестна. Упоминаемые в нем «адехи», «черкесы», «Кубань» и т.п. создают на первых порах впечатление о прикубанском местонахождении черкесского аула, в котором и разворачиваются основные действия. Вместе с тем в поэме наряду с черкесами соседствуют и чеченские мотивы, создающие впечатление о близкой территориальной расположенностии обоих северокавказских народов.

Уже в начале произведения драматические действия разворачиваются «вблизи развалин Татартуба» - на территории золотоординского городища близ Эльхотовых ворот в Северной Осетии около Дарьяла.

При описании погребения сына Гасуба, когда «уж труп землею взят» количество действующих лиц неожиданно увеличивается за счет того, что «из-за горы явились вдруг/ Старик седой и отрок стройный». Что опять-таки усиливает впечатление о достаточно близком соседстве к аулу Гасуба той территории, откуда к черкесу прибыл тот седой старик. Данное впечатление не меняется несмотря на то, что пришедший гость и Гасуб не виделись 13 лет, т.е. с тех пор когда Гасуб вручил ему «слабого младенца,/ Чтоб воспитаньем из него... сделать храброго чеченца».

Но вряд ли А.С. Пушкин, раскрывая сюжет, подразумевал территорию Прикубанья, поскольку чуть ниже он и сам указывает возможную зону обитания черкеса Гасуба и его сына Тазита. Имеется в виду три диалога Гасуба с Тазитом, предшествовавшие их окончательному разрыву. Все три диалога становились следствием внезапного исчезновения Тазита ровно на два дня и две ночи.

...Тазит из табуна выводит
Коня, любимца своего
Два дня в ауле нет его.
На третий он домой приходит.

Отец:

Где был ты, сын?

Сын:

В ущелье скал,

Где прорван каменистый берег

И путь открыт на Дариял.

Т.е. Тазит побывал там, где неподалеку и был убит его брат - у входа в Дарьяльское ущелье, где «слушал Терек». Судя по всему весь путь туда и обратно занял у него чуть более двух суток верхом на лошади.

Второе его исчезновение было направлено, скорее всего к северу от аула, в сторону равнины, поскольку отвечая на тот же самый вопрос отца, Тазит объясняет, что «был за белою горой», где «на кургане» встретил «от нас сбежавшего раба». Упоминание кургана и вероятный маршрут убегающего раба (в сторону российских владений), надежное тому подтверждение. И на этот раз Тазит удалился от своего аула на то же самое расстояние.

В последний раз его путь лежал в сторону Кубани, скорее всего в среднем ее течении. На это указывает ответ Тазита отцу: «около станиц/ Кубани близ лесных границ». И опять он преодолел то же самое расстояние. Упоминание «лесных границ», вложенное А.С. Пушкиным в уста Тазита, вероятно, имеет вполне конкретное содержание.

Дело в том, что еще в конце XVIII столетия, при оформлении Кубанской линии, заселенной донскими казаками, на отрезке между крепостями Невинный мыс и Прочноокопской (ныне между г.Невиномысском и Армавиром) были основаны и несколько казачьих ретраншментов и населенных пунктов, среди которых была станица и крепость Темнолесская, а неподалеку - ст.Воровсколесская. Современный ставропольский исследователь - В.А.Колесников, объясняя происхождение названий указанных станиц пишет: «Ретраншмент Темнолесский был устроен при входе в большой лес, идущий внутри линии, которым всегда прокрадывались горские народы... Лес, росший тогда... имел большие деревья, где они достигали в толщину несколько обхватов». На этом же отрезке кубанской линии, вблизи которой (хотя и на некотором удалении от нее вглубь) находилась и ст.Темнолесская, как раз напротив многочисленных и удобных бродов через Кубань.

Объясняя же происхождение названия станицы Воровсколесской, тот же исследователь приводит сразу несколько версий, одна из которых появление интересующего названия («Воровской лес») напрямую связывала с деятельностью горцев, совершивших именно здесь весьма частые набеги. А.С. Пушкин, несомненно, все это знал и очень хорошо. Ведь не случайно и то, что именно близ тех самых «лесных границ» Тазит встречает израненного и безоружного убийцу своего брата.

Если наши предположения верны, то подводя итог, можно утверждать: аул, в котором обитали Гасуб и Тазит располагался в горах, но примерно на одинаковом удалении как от Дарьяла на востоке, так и Кубани на западе и от равнины на севере. Скорее всего - это территория современной Кабардино-Балкарии.

Ю.В. Приймак

«Путешествие в Арзум...» как источник по истории Северо-Западного Кавказа первой трети XIX века.

В отечественном кавказоведении довольно часто ссылаются на те исторические свидетельства, яркие образы, суждения и характеристики, которые вышли из под пера А.С. Пушкина в период его кавказских путешествий. Будучи очевидцем, Пушкин не только давал описание увиденного, но и анализировал окружающую реальность с точки зрения человека первой трети XIX в. Причем в широко цитируемой пушкинской прозе исследователи выделяют многие ценные исторические и этно-бытовые свидетельства, но не достаточно до последнего времени акцентируя внимание на Причерноморье и Кубани. Это упущение пытается компенсировать В.Б. Виноградов - человек, чье универсальное знание охватывает все периоды кавказской истории и которого по праву можно назвать энциклопедистом отечественного кавказоведения (см.: Виноградов В.Б. Пушкинская Кубань. Армавир 1999). Эти усилия следуют приумножать.

В 1829 г. во время поездки через Кавказ в Тифлис и далее в действующую армию, которая в период войны с Турцией 1828-1829 гг. вела боевые действия в Закавказье, А.С. Пушкин, с разной степенью подробности, вел путевой дневник, который был опубликован 1835 году, после некоторой обработки и дополнений. Хотя ранее отрывок «Военная Грузинская дорога» был напечатан в «Литературной газете» 1830 г., №6:

Маршрут путешествия пролегал в стороне от Северо-Западного Кавказа, однако в самом тексте «Путешествия в Арзум...» А.С. Пушкин неоднократно обращается к Закубанью, где еще весной-летом 1828 года шли ожесточенные сражения российских войск с турками и их черкесскими союзниками. «Черкесы - писал А.С. Пушкин - нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. Дух дикого их рыцарства заметно упал. Они редко нападают в равном числе на казаков, никогда на пехоту и бегут, завидя пушку. Зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд или на беззащитного. Здешняя сторона полна моловой об их злодействах.»

Подобную характеристику немирных горцев не следует трактовать как заведомо не лестную, очернительную по отношению к черкесам, равно как и нельзя на основании первых строк цитаты счесть автора поборником свободолюбивых обитателей гор. Безусловно в отрывке присутствует человеческое сочувствие адыгам, но вполне очевидно и нежелание Пушкина - россиянина оправдывать их набеги, ставшие в то время своеобразной и весьма доходной формой хозяйственной жизни горцев, жертвами коих становились мирные жители. Более важно здесь то, что

Александр Сергеевич объективно описывает реалии войны, причем пытается мотивировать причины горской враждебности, толкавшие черкесские племена к набегам.

«Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить, по причине господствующих между ими наследственных распрей и мщения крови. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать».

Безусловно, что А.С. Пушкин, говоря о черкесах, подразумевал не только западных адыгов, однако приведенный отрывок косвенно указывает, что речь идет и о закубанских горцах. Есть и прямое указание на западных адыгов: «Что делать с таковым народом? Должно однако же надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ против русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре. Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но легче для нашей лености в замену слова живого выливать мертвые буквы и посыпать немые книги людям, не знающим грамоты.»

Хотя в сведениях о Мансуре автор допустил ошибку, говоря о месте его кончины, мысли гения российской литературы поразительно трезвы и рассудительны. Пушкинский рецепт мирного урегулирования Кавказа не плод фантазии писателя и поэта, это рассуждения гражданина, прозорливо предвидевшего необходимость вырвать западное побережье Кавказа из рук Османской империи, дабы пресечь ее влияние на горцев.

Особенно важно, что А.С. Пушкин писал эти строки летом 1829 года, безусловно зная о том, что еще в за год до этого Анапа была отвоевана у Турции, (хотя до этого крепость трижды захватывалась русскими войсками но возвращалась Турции по мирным договорам). Говоря о «приобретении восточного края Черного моря», он предвосхитил дипломатическое и юридическое закрепление Северо-Западного Кавказа за Россией, т.к. Адрианопольский трактат и мир между Российской империей и Османской Портой был подписан лишь 2(14) сентября 1829 г. IV статья этого договора гласила: «...весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая включительно, пребудет в вечном владении Российской империи» (Государственный архив Автономной республики Крым. Ф.27. Оп.1. Д.3205. Л.3/об.).

Б.В. Виноградов

А.С. Пушкин: «Романтический наш император».

В 1997 г. московским издательством «Три века» вновь переиздан дневник А.С. Пушкина 1833-1835 гг. В дневниковых записях великого литератора кроме сведений, касающихся его биографии и светских наблюдений, содержится ценная информация по российской истории начала XIX века. В частности, пушкинский дневник свидетельствует о неослабевающем внимании «светского общества» к событиям дворцового переворота 11 марта 1801 года, к убийству императора Павла I и воцарению его сына Александра.

Так, дневниковая запись от 8 марта 1834 г. рассказывает: «Жуковский поймал недавно на балу у Фикельмон... цареубийцу Скарятина, и заставил его рассказывать 11-е марта. Они сели. В эту минуту входит Государь (Николай I. - Б.В.) с гр. Бенкендорфом и застает наставника своего сына дружелюбно беседующего с убийцею его отца!».

Далее А.С. Пушкин продолжает эту тему уже записью о личных своих встречах и беседах: во время обеда у австрийского посланника поэт, «сидя втроем с посланником и его женою, разговорился... об 11-м марте». Выясняется, что австриец Фикельмонт не знал о причастности Скарятина к убийству Павла I, и, по наблюдению поэта, «он удивляется странностям нашего общества».

Личность «цареубийцы Скарятина» проясняют примечания к дневнику А.С. Пушкина. В них, со ссылкой на ряд изданий, посвященных заговору 11 марта 1801 г., отмечается: «Скарятин, офицер Измайловского полка, сняв висевший над кроватью собственный шарф императора, задушил его им».

В записи о своей беседе с Фикельмонтом А.С. Пушкин высказывает довольно жизнеспособную версию о том, почему при Александре I не были арестованы члены тайных дворянских (декабристских) революционных организаций. Александр Сергеевич пишет: «Покойный государь (т.е. Александр I. - Б.В.) окружен был убийцами своего отца. - Вот причина почему при жизни его, никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины. - Государь ныне царствующий (Николай I. - Б.В.), первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц, или помышления о цареубийстве; его предшественники принуждены были терпеть и прощать».

Но все же, как мы видим, и Николай I вынужден был терпеть присутствие в высшем свете одного из убийц своего отца!

Особенности первых часов царствования Александра I передает пушкинская запись от 3 августа 1834 года. Оказывается, что молодой император не имел «силы ничем заняться», был весь в слезах и манифест о вступлении Александра I на престол был написан бывшим президентом Главного Почтового Правления Д.П. Троцким, находившимся в опале в последние месяцы правления Павла I, и в

«пожарном порядке» доставленным в Зимний Дворец спустя несколько часов после цареубийства.

Были ли искренними слезы Александра? Имеет распространение версия, что он не давал согласия на убийство отца. Но ведь он наверняка понимал, что подпisyвать отречение от престола не в характере Павла I, и мог предполагать, чем может закончиться принуждение к отречению...

Известно, что в том же дневнике (запись от 3 июля 1834 г.) А.С. Пушкин назвал Павла I «романтическим нашим императором». Оценка эта, кстати, перекликается с мнением молодого Л.Н. Толстого, который (и тоже в дневнике) писал: «мне кажется, что действительно характер, особенно политический Павла I был благородный, рыцарский».

Также известны весьма нелестные оценки А.С. Пушкиным личности Александра: «властитель слабый и лукавый...», «фальшив, как пена морская» и т.п. Таким образом, у Александра Сергеевича были вполне сформированы взгляды на «высших иерархов высшего света», того самого «света», который и погубил великого русского поэта.

Дневниковые же пушкинские записи 1833-1835 годов могут сослужить добрую службу не только изучающим жизнь гения российской словесности, но и историкам.

С.И. Алиева, В.Б. Виноградов

Пушкин: иноязычные строки и «смертная стрела».

Что означает для историка обращение к творческому наследию Пушкина? Ответ на этот вопрос тесно связан с другим: какую роль играет художественная литература для исторической науки?

Наиболее популярные из разрабатываемых в советское время направлений: тема дружбы народов, в том числе северокавказского региона. Выявлялись мыслимые и немыслимые примеры межэтнических контактов. Основной упор при этом делался на дружественный характер отношений. Неблаговидный, неприглядный, порой, литературный образ национальных персонажей затушевывался идеей социально-политической незрелости. Однако, провозглашаемое единство народов, подпитываемое литературными источниками, оказалось призрачным. Под тяжестью реалий нашего времени высказывается мнение о том, что «художественная литература самодостаточна, и надо не навязывать ей пропагандистские цели и задачи, а признать необходимость деполитизации литературного образования» (Егорова Л.П. Ставрополь, 1996, с.20).

Так как же быть с тем, что еще при царизме цвет многонациональной Российской империи, который справедливо называли «просветителями», истоки своих мыслей и чувств видели в приобщении к русскому языку, русской мысли, русской

творческой интеллигенции. Когда и как могла прерваться связь культур? Ухватимся за нить... Год смерти Пушкина...

Мирза Фет-Али (Фатали) Ахунд-заде (Ахундов), азербайджанский писатель, которому в 1837 г. было 25 лет, написал поэму «На смерть Пушкина». Первым его слушателем (ставшим потом еще одним автором, который посвятил произведение памяти великого поэта), был другой такой же как он офицер российской армии, азербайджанский ученый и историк Аббас-Кули-ага Бакиханов, лично знакомый с Пушкиным и двумя другими Александрами: Грибоедовым, которого уже убили, и Бестужевым (Марлинским), которого скоро постигнет такая же участь. В мае 1837 г. (через три дня после карательной экспедиции в Цебельду) на приеме у барона Розена в Сухуми за обеденным столом расположились Мирза Фет-Али и причисленный к Грузинскому гренадерскому полку А.А. Бестужев. Барон похвалил «восточную поэму» Ахундова и посоветовал Бестужеву переложить ее на русский язык. Но поэма была написана на фарси. «Почему? - удивился Бестужев, - у вас же у самих прекрасная поэзия! Надо было вам, Фатали, на своем языке написать! С вашим языком, как с французским в Европе, можно пройти из конца в конец, всю Азию, весь Восток! Ну да ладно, не огорчайтесь, в другой раз напишите на своем...» (Ч. Гусейнов. Фатальный Фатали. Москва: Книга, 1987, с.57-58).

Впервые такое большое значение пониманию ценности родного языка, его красоты придавать стал Пушкин. Язык - главный предмет идентификации народа, его исторического лица. Все начинается с самого себя. За это благодарны ему были современники. Два столетия Пушкин олицетворяет эпоху, и каждое его суждение воспринимается, как высшая оценка. Всего несколько строк о художественном даре ногайского офицера и писателя Султан Казы-Гирея, произведения которого, опубликованные в одном из журналов, цитируются почти во всех изданиях, имеющих какое-либо отношение к Кавказу. Знакомство с Пушкиным, как особое явление, подчеркивалось многими национальными деятелями. В их числе и первый адыгский ученый, педагог, историк, лингвист Шора Ногмов. Есть же знак и в том, что казахский поэт Абай Кунанбаев перевел на родной язык многие произведения Пушкина. Таких примеров достаточное количество.

Национальные кавказские деятели XIX в. - это офицеры, коих жизнь - огонь орудий, стальной перезвон шашек. Прославленные из них - одновременно и мастера художественного слова. Они воспели землю так, как никто до них и после них из невосточных и некавказских востоковедов - и кавказоведов-поэтов, писателей, историков. Феномен имперской Александровской, затем николаевской России - и в гении Пушкина, вдохновившего и побудившего последующих, необыкновенных для его времени, смелых русских писателей-глашатаев, и в россыпи представителей «кавказского ренессанса».

«Разве Пушкин был полководец? военачальник?...» - это горькие фразы из извещения в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду». Сам Пушкин

писал: «Приехать на войну с тем, чтобы воспевать будущие подвиги, было бы для меня, с одной стороны, слишком самолюбиво, а с другой - слишком непристойно. Я не вмешиваюсь в военные суждения. Это не мое дело.»

Словом - приобщают, а оружием - усмиряют.

Мало кому, как Пушкину, удавалось обращаться с силой слова. Сколько сегодня таких, кто никогда не знал военных действий, не воевал, но славящих войну и стремящихся отправлять туда других.

Одному безоружному поэту в разгар войны на Кавказе была посвящена единственная кавказская поэма. «...Разве ты, чуждый миру, не слыхал о Пушкине, о главе собора поэтов? О том Пушкине, от которого бумага жаждала потерять свою белизну, лишь бы его перо рисовало черты на лице ее!... Прицелились в него смертной стрелой. Исторгли корень его бытия. Черная туча градиной побила плод его жизни. Грозный ветер гибели потушил светильник его души... Россия в скорби восклицает по нему: «Убитый злодейской рукою разбойника мира!... Старец седовласый Кавказ ответствует на песнопения твои стоном в стихах Сабухия». Тогда в 1837 г. Мирза Фет-Али сам перевел свою поэму, а Бестужев своей рукой выправил ее русский вариант. (Россия в скорби - это о голосе М.Ю. Лермонтова, с которым позже Фет-Али познакомится и покажет ему свою поэму, а Сабухий - псевдоним автора), (Ч. Гусейнов, с.62).

Пушкин всем своим творчеством вызывал доверие к тому, что он нес людям. Наперекор окружающему страху и апатии.

Нам сегодня так не хватает доверия!

О.А. Плаксина

Лев Пушкин в романе Е. Хамар-Дабанова «Проделки на Кавказе».

Не только знаменитые поэты посвящали строки своих произведений А.С. Пушкину, но и малоизвестная писательница XIX в. Е.П. Лачинова, скрывшаяся под псевдонимом Е. Хамар-Дабанов, в романе «Проделки на Кавказе» (1844) в образе «майора Льва» показала младшего брата Пушкина - Льва Сергеевича. Он не назван прямо, но его описание, черты характера не дают нам в этом усомниться: «низенький майор с большими рыжими бакенбардами». В ту пору Лев Сергеевич служил на Кавказе, участвовал в здешних военных экспедициях о чем и говорится в романе: «Приехал сюда после экспедиции». А Александр Пустогородов - главный герой - добавляет, что он состоит «по кавалерии, при линейных казаках».

Лев Пушкин приехал в Ставрополь, где его и встретили братья Пустогородовы, - развлекаясь: «Пьючи в карты играю...» В первой сцене майор изображен человеком упрямым, в чем-то даже и склонным. Возник у него конфликт с владельцем ставропольской гостиницы Неотаки: увидев счет за обед, Лев наотрез отказался платить завышенную, по его все не бесспорному мнению, сумму. Начиная пре-

рекания, обзывая гостиницу «кабаком», майор дает «забавные объяснения» и выходит из спора победителем

Когда Неотаки в ответ на оскорбление приказывает не брать вообще денег с майора, но более не обслуживать его, Лев издевательски заявляет: «Если не хочешь брать с меня денег - спасибо; я, пожалуй, доставлю тебе много благодарных; расскажу всем, что ты не берешь денег с тех, кто называет твою гостиницу кабаком, будь уверен, много найдется охотников...»

Но это всего лишь эпизод. Он не дает истинного представления о том, каков герой на самом деле. Настоящую характеристику Льву мы слышим из уст Александра Пустогородова, а значит, в чем-то и самого автора: «Другой - майор Лев, умный, честный, безукоризненный офицер, у которого страсть - казаться хуже, чем он есть, пренебрегая общим мнением; он основывается на том, что кто умеет ценить людей, тот его поймет». За не всегда привлекательной «оболочкой» скрывается человек, способный ценить людей, правдивый, искренний и не желающий похваляться своими подвигами (подробнее о пребывании на Кубани Л.С. Пушкина см.: Веленгурин Н. Помнит Пушкина Кубань // Вольная Кубань. 4-10 июня. 1994 г.).

О.М. Ларина

Одно из «пушкинских» занятий в интегрированном курсе «История Кубани в русской художественной литературе»

Названный учебный региональный предмет, который апробируется в МСОШ №3 г. Армавира в течение трех лет и ведется по авторской программе В.Б. Виноградова и О.М. Лариной, утвержденной краевым департаментом образования, вызывает большой интерес у школьников и открывает новые возможности для творчества учителя, развивая самостоятельность и активность учащихся их стремление к поисковой деятельности.

Вот пример одного урока в 10 классе, посвященного 200-летию со дня рождения поэта. Двухчасовое занятие организовано в форме игры «Редакция», что позволило привлечь к работе весь класс. Из учащихся были сформированы группы, которые представляли собой следующие отделы редакции: литературный, исторический, оформительский, критический, отдел писем.

Цель работы: отобрать произведения для сборника «А.С. Пушкин и Кубань». Исторический отдел собрал материал об истории Кубани начала XIX столетия. Литературоведы, познакомившись с произведениями А.С. Пушкина о Кавказе, должны отобрать те, которые необходимо включить в сборник. Оформительному отделу следовало подготовить обложку книги и иллюстрации к произведениям. Отдел писем должен познакомить с мнением читателей, сказать, насколько акту-

альна деятельность работников редакции «Памяти вечная нить» по подготовке сборника пушкинских произведений.

Критики, познакомившись с работой отделов, обязаны решить, какие произведения и в какой последовательности будут включены в сборник, как необходимо оформить книгу.

Главным редактором книжного издательства «Памяти вечная нить» является (по условиям игры) учитель, который должен открыть заседание.

Слово учителя:

26 мая 1799 года. По всей Москве раздается колокольный звон, в церквях идут молебны, на улицах горожане дружно кричат «ура!». В этот день родилась внучка Павла I. Но помнит ли кто-нибудь теперь даты рождения царских внуков, или их детей, или даже самих самодержцев? Разумеется, нет. Однако каждый хорошо знает, что в этот день в доме Пушкиных на Немецкой улице царило необыкновенное волнение: у майора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр, будущий великий поэт. И не по поводу ли его рождения ликовала вся Москва?

Сегодняшний урок мы посвящаем 200-летию со дня рождения поэта и поговорим о его пребывании в нашем kraе, о произведениях, отразивших впечатления поэта о Кубани. Урок проведем в форме игры «Редакция». Вы присутствуете на заседании работников книжного издательства «Памяти вечная нить». И я, как главный редактор, открываю сегодняшнее заседание.

Уважаемые работники редакции! Сегодня после целеустремленной работы отделов нашего книжного издательства мы собрались для того, чтобы отобрать необходимые литературные произведения для включения их в сборник «А.С. Пушкин и Кубань».

(идет представление руководителей групп...).

Прежде всего вопрос к работникам отдела писем. Наша предшествующая работа отражалась в прессе. Насколько интересно читателям направление нашей деятельности.

Отдел писем. Подобраны газетные публикации академика В.Б. Виноградова, посвященные теме «Пушкин на Кубани», статьи работников МСОШ №3 и разнообразных учреждений по подготовке к юбилею поэта. Зачитываются выдержки из публикаций. Делается вывод, что сборник «Пушкин и Кубань» необходим.

Учитель (редактор). А теперь обсудим какой должна быть обложка книги.

Оформительский отдел представляет несколько вариантов. После обсуждения представляется слово критикам.

Критики. Отбирают иллюстрацию, где Пушкин изображен на фоне гор, любующимся «закубанскими равнинами». Объясняют почему эта обложка более всего подойдет к книге.

Редактор (учитель) предлагает обсудить следующую вступительную статью к книге.

У каждого дерева есть свои корни. И чем глубже они уходят в землю, тем крепче и мощнее ствол. Сейчас, как никогда, необходимо обратиться к своим корням, потому что, как писал академик Д.С. Лихачев, «возрождение старого, сохранение его - это не отказ от нового, это новое понимание старого, своих корней, это ощущение себя в истории». О нашем прошлом мы узнаем из литературы, от страниц которой исходит какой-то таинственный свет, особенно, если автор произведений - великий Пушкин. Побывав на Кавказе, поэт был восхищен роскошной природой, смелостью казаков и экзотическим бытом горцев. В письме брату он восторженно описывал свои впечатления: «Видел я берега Кубани и сторожевые станицы - любовался нашими казаками. Вечно верхом; вечно готовы драться; в вечной предосторожности! Ехал в виду неприязненных полей свободных, горских народов... Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на них положиться...».

На Кавказе Пушкину впервые открылись новые горизонты поэзии романтической: он воспринимал величественную панораму гор и кипящих потоков, дикую природу южного края как одушевленную и воспроизвел ее в единстве с собственными чувствами и переживаниями. Кубанские отголоски мы находим во многих стихах и прозаических произведениях А.С. Пушкина, с которыми вы знакомились.

Все они - перед вами для включения в сборник «Пушкин и Кубань» с указанием даты написания текстов изданий, из которых они заимствованы. Составлены комментарии по целому ряду фактов и вопросов, имеющих непосредственное отношение к проблематике местной истории и культуры; историко-литературные справки, краткие биографические сведения.

Надеемся, что сборник «А.С. Пушкин и Кубань» будет интересен широкому кругу читателей: ведь наш край был для поэта источником вдохновения и творчества и не раз звал его в «свое святилище глухое». Недаром А.С. Пушкин, обращаясь к Кавказу, писал:

В тебя влюблен я был безумно,
Меня приветствовал ты шумно.
Могучим гласом бурь своих.
Я слышал речь ручьев твоих
И снеговых обвалов грохот,
И клик орлов, и пенье дев...

После обсуждения этого выступления, происходит отбор произведений. Таким образом отрабатывается содержание сборника, которое записывается на доске. Слово предоставляется историческому отделу.

Исторический отдел кратко рассказывает об истории Кубани в первой трети XIX века. Обращено внимание на «Кавказскую войну» и «кампанию 1828-1829 годов» против Турции; на взгляды передовых людей своего времени, в том числе и Пушкина, на войну.

Литературный отдел рассказывает о причинах, побудивших А.С. Пушкина отправиться на Кавказ, о пребывании поэта на Кубани, о его воспоминаниях.

На заседание приглашаются актеры драмтеатра, которые читают наизусть стихи. Оформительский отдел предлагает иллюстрации. После обсуждения и выступления критиков литературный отдел предлагает поместить в сборник следующие произведения А.С. Пушкина:

Вступление и эпилог к поэме «Руслан и Людмила»,
поэму «Кавказский пленник»,
план поэмы «Мстислав»,
отрывки из «Путешествия Онегина»,
отрывки из «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года»,
фрагменты поэмы «Тазит».

Работники литературного отдела дают анализ названных произведений. Историки рассматривают, как история Кубани отразилась в них. Оформители предлагают свои иллюстрации к произведениям.

Ученики инсценируют небольшие отрывки из поэм «Кавказский пленник» и «Тазит». Критики оценивают проведенную работу. Работники отдела писем рассказывают о том, какие письма и стихи о пребывании Пушкина на Кубани приходят в редакцию (стихи и письма составлены учащимися).

Таким образом определяется содержание сборника «Пушкин и Кубань». А ученики, попробовав себя в роли работников редакции, получили представление об этом нелегком труде, смогли продемонстрировать знание кавказских произведений А.С. Пушкина, умение их анализировать, выразительно читать и инсценировать отрывки из художественных произведений, иллюстрировать их, писать собственные стихи, получили удовольствие от чтения и изучения произведений великого поэта о нашем крае, что очень важно для воспитания у школьников гордости за родную землю.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛИЕВА С.И. - преподаватель кафедры РСИД, аспирант АГПИ.

ВИНОГРАДОВ А.В. - старший преподаватель кафедры истории России, депутат городской Думы г. Армавира.

ВИНОГРАДОВ Б.В. - и.о. зав. кафедрой социально-политических дисциплин Славянского филиала АГПИ, кандидат исторических наук, доцент.

ВИНОГРАДОВ В.Б. - зав. кафедрой РСИД АГПИ, академик МАИ и АИП, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Кубани и Чечено-Ингушской АССР, профессор, доктор исторических наук.

КОВАЛЕНКО Ю.С. - студентка филологического факультета Славянского филиала АГПИ.

КОРОЛЕВА А.А. - студентка филологического факультета АГПИ.

КУЛИНИЧ А.А. - студентка исторического факультета АГПИ.

ЛАРИНА О.М. - зам. директора АМСОШ №3 по учебной работе, заслуженный учитель школ Кубани.

НАРОЖНАЯ Ф.Б. - преподаватель АМСОШ №3.

НАРОЖНЫЙ Е.И. - старший преподаватель кафедры РСИД АГПИ, кандидат исторических наук.

НАУМЕНКО В.В. - аспирант Краснодарского государственного университета культуры и искусств.

ПЛАКСИНА О.А. - преподаватель АМСОШ №3, студентка исторического факультета АГПИ.

ПРИЙМАК Ю.В. - преподаватель кафедры всеобщей истории, аспирант АГПИ.

ТЮТЮНИНА Е.С. - ведущий сотрудник Центрального государственного архива КБР (г.Нальчик), кандидат исторических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ВИНОГРАДОВ В.Б., КОРОЛЕВА А.А. Столетие Кубанской пушкинистики.....	3
НАУМЕНКО В.В. А.С. Пушкин и Северный Кавказ.....	4
ВИНОГРАДОВ А.В. Пушкинские и черкесские отголоски в Чембаре.....	6
КОВАЛЕНКО Ю.С. А.С. Пушкин и Тмутараканское княжество.....	7
ВИНОГРАДОВ В.Б. «Слово о полку Игореве» и пушкинское лукоморье.....	9
ТЮТЮНИНА Е.С. География «Кавказского пленника».....	11
НАРОЖНЫЙ Е.И., НАРОЖНАЯ Ф.Б. Вооружение черкеса и его конь в «Кавказском пленнике» и «Тазите» А.С. Пушкина и их прототипы первой трети XIX века.....	14
КУЛИНИЧ А.А. Пушкин о кавказских.....	16
АЛИЕВА С.И. Калмыки и ногайцы в произведениях А.С. Пушкина.....	17
НАРОЖНЫЙ Е.И. Где мог находиться аул пушкинских Гасуба и Тазита.....	19
ПРИЙМАК Ю.В. «Путешествие в Арзрум...» как источник по истории Северо-Западного Кавказа первой трети XIX в.....	21
ВИНОГРАДОВ Б.В. А.С. Пушкин: «Романтический наш император».....	23
АЛИЕВА С.И., ВИНОГРАДОВ В.Б. Пушкин: иноязычные строки и «смертная стрела».....	24
ПЛАКСИНА О.А. Лев Пушкин в романе Е. Хамар-Дабанова «Проделки на Кавказе».....	26
ЛАРИНА О.М. Одно из «пушкинских» занятий в интегрированном курсе «История Кубани в русской художественной литературе».....	27
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	31

Подписано в печать 10.03.99. Формат бумаги 60x84/16. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 2,0. Уч. изд. л. 2,062. Заказ 755-п. Тираж 999.

Государственное унитарное предприятие "Армавирское полиграфпредприятие"
комитета по печати администрации Краснодарского края. 352900, г. Армавир,
ул. Комсомольская, 123.